

© 2024 г.

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОТ ПРАКТИКИ ЧЕРЕЗ БИЗНЕС В ТЕОРИЮ (интервью с Ф.Э. Шереги)

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович – кандидат философских наук, генеральный директор Центра социального прогнозирования и маркетинга (f-sheregi@inbox.ru); КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования» (Kliucharev@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Беседа Г.А. Ключарева, главного редактора журнала, с Францем Эдмундовичем состоялась в канун 80-летнего юбилея ученого. В интервью с одним из ведущих российских социологов обсуждаются не только этапы жизненного пути Ф.Э. Шереги, но и открываются малоизвестные сюжеты институализации советской социологии. Ф.Э. Шереги делится воспоминаниями о приеме первых аспирантов ИКСИ АН СССР по социологии, о свободной и демократичной обстановке в ИКСИ, выделявшей его среди большинства академических институтов. Дан портрет первого главного редактора А.Г. Харева. Описан опыт осмыслиения исследований на комсомольских стройках, в том числе на БАМе. Показана исключительная роль и важность подобных прикладных исследований, в частности в предсказании распада СССР. Даны оценка вклада ряда академических социологов. Рассмотрены особенности и значимость предпринимательства и маркетинга в социологии.

Ключевые слова: ИКСИ АН СССР • Центр «Социального прогнозирования» • СОЦИС • прикладная социология • теоретическая социология • предпринимательство в социологии • маркетинговые исследования • БАМ • «Молодая гвардия» • распад СССР

DOI: 10.31857/S0132162524110093

Г.А. Ключарев. Франц Эдмундович, мы с Вами сотрудничаем со временем работы в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (РНИСиНП), с середины 1990-х гг. Я знал, что Вы сильный математик. А как Вы оказались в социологии?

Ф.Э. Шереги. Мой путь в социологию не был прямолинейным. Он и не мог быть таким, если ориентироваться на выбор специальности после окончания школы. В 1962 г., когда я окончил среднюю школу, в советских вузах было много факультетов различной специализации, но не было социологического факультета, я даже слова такого не знал. Тем не менее повышенный интерес к знаниям социально-гуманитарной направленности подводил к выбору философского или юридического факультета. Однако для поступления на эти факультеты требовалось иметь не менее двух лет любого трудового стажа, поэтому после школы приемная комиссия у меня просто не приняла бы документы как у абитуриента. Друзья посоветовали, как одному из самых сильных математиков школы, поступать с ними за компанию на математический факультет Ужгородского университета.

ШЕРЕГИ Франц Эдмундович – кандидат философских наук, генеральный директор Центра социального прогнозирования и маркетинга, Москва, Россия (f-sheregi@inbox.ru).

Родился в 1944 г. в г. Виноградово Закарпатской области. В 1976 г. окончил аспирантуру Института социологии АН СССР и защитил диссертацию «Совершенствование проекта выборки на стадии пробного исследования». В 1977–1978 гг. являлся ответственным секретарем журнала «Социологические исследования». Основатель и генеральный директор независимого Центра социального прогнозирования и маркетинга. Автор многочисленных работ в областях теории и методов социологического исследования, социологии образования, социологии науки, социологии девиации.

Поступил, однако окончил его заочно только в 1971 г., так как со 2-го курса меня призывали в армию (из-за небольшой численности молодежи, родившихся в 1944–1946 гг. всех призывали и с дневных факультетов вузов), где прослужил 3 года (в Подмосковье), после чего перевелся на заочный факультет университета.

Весь этот период у меня не пропадал интерес к социально-гуманитарным наукам, благо и на математическом факультете объем социально-гуманитарных наук занимал не менее четырех семестров: иностранный язык, история КПСС, политэкономия капитализма, политэкономия социализма, исторический материализм, диалектический материализм, научный коммунизм, научный атеизм, психология и история психологии, педагогика.

Оказалось так, что после службы в армии я попал в научно-педагогическую среду социально-политического вуза – Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ – в качестве синхронного переводчика с венгерского языка: переводил для руководителей среднего звена молодежной организации Венгрии лекции по гуманитарным дисциплинам, дискуссии на симпозиумах, конференциях и иных мероприятий социально-политической направленности на 10-месячных курсах. Окончив математический факультет университета, вновь задумался о продолжении образования по социально-гуманитарному профилю в аспирантуре. В этом же году в Комсомольской школе ввели преподавание курса «прикладная социология», который мне пришлось переводить для венгерских слушателей. Предмет стал для меня приятным открытием, так как он сочетал социальные и математические знания, и я решил, что следует поступать в аспирантуру по этой специальности.

Летом 1973 г. в газете «Вечерняя Москва» прочитал объявление о приеме заявлений на поступление в аспирантуру Института конкретных социологических исследований АН СССР (ИКСИ АН СССР). Подал заявление на заочное отделение, чтобы не порывать с работой, от которой зависело благополучие семьи. Написал вступительный реферат по выборочному методу в социологических исследованиях. Через две недели мне позвонили из аспирантуры и предложили переписать заявление на очное отделение. Я решил, что подрабатывать переводчиком смогу и обучаясь на дневном отделении. В последующем узнал, что инициативу предложить мне поступать на дневное отделение проявил В.Э. Шляпентох, рецензировавший мой вступительный реферат. Принимали в аспирантуру 28 человек, однако 24 места предназначались для поступавших по целевому направлению, для конкурса было выделено лишь 4 места. По результатам набранных баллов был принят в аспирантуру в сектор методики социологических исследований, который возглавлял А.Г. Здравомыслов, руководителем по диссертации назначили В.Э. Шляпентоха. Таким образом, в прикладную социологию меня привела череда случайностей, в том числе и тот факт, что в начале 1970-х гг. в СССР вновь разрешили социологию и подготовку – пока только на уровне аспирантуры – социологов. Кандидатская диссертация ограничивалась узкой тематикой – выборочным методом в социологических исследованиях, однако я активно интересовался различными аспектами социальных процессов, той областью, которая привлекала мое внимание еще в школьные годы.

Г.К. Каким было ваше первое впечатление о научной среде академического института после прихода из политического образовательного учреждения?

Ф.Ш. Мое первое впечатление об Институте комплексных социальных исследований было восторженным. Придя из политической системы, где в производственных отношениях господствовала строгая иерархия, я был приятно поражен открытием для себя академической демократии в институте, которая мне показалась сродни западной. Ранее подобных производственных отношений в СССР я нигде не встречал. Увиденное с первых дней укрепило меня во мнении, в правильности которого я уверен и сегодня, что советские социологи явились не только важными предвестниками демократических перемен в СССР, но и приложили большие усилия для приближения этих перемен.

Говорю это потому, что хорошо знаком с практикой рыночных отношений из жизни и менталитета населения Закарпатской области, а также с политической практикой социалистического гипергосударства, с которой основательно ознакомился, участвуя в течение

многих лет в подготовке кадров политического управления. В ИКСИ было много высокоинтеллектуальных специалистов, но среди них большинство изначально не собирались заниматься наукой, ранее они были активными политическими работниками. Однако быстро растущее новое послевоенное поколение карьернонастроенной молодежи создало ситуацию «ледохода» и мест для всех желающих в системе политического управления не хватало. Часть кадров вытеснялись на кафедры вузов или в науку, более того, для них стали расширять возможности самореализоваться в общественной науке.

Процесс разделения труда в общественных науках я наблюдал со студенческих лет. Уже в начале 1960-х гг. «лишние» партийные кадры, имевшие военные заслуги, но не имевшие достаточного образования, направлялись на работу директорами школ или, в редких случаях, в вузы преподавателями истории КПСС.

Г.К. Как эта динамика политических кадров проявилась в ИКСИ?

Ф.Ш. В 1970-х гг. внутрипартийная конкуренция обострилась и партийных функционеров стали направлять в аспирантуру для подготовки преподавателей гуманитарных дисциплин для вузов; чаще всего они становились заведующими кафедрами. Чтобы мест в вузах хватило для всех «перемещенных» партийных кадров, началось расширение и дробление общественных дисциплин, преподавание которых было обязательным и на естественно-научных, и на технических факультетах вузов. Говоря о расширении, я имею в виду появление таких учебных предметов, как научный атеизм, международное рабочее движение, колониализм и неоколониализм. «Дробить» начали также и исторический материализм, дополнив его научным коммунизмом (в странах Восточной Европы – научным социализмом) и в ограниченных масштабах легализовав прикладную социологию. Этим объясняется тот факт, что в советскую – тем более в российскую – социологию многие специалисты, даже среди известных социологов, пришли с партийных и комсомольских должностей или после окончания Института международных отношений (МГИМО). В последнем случае это были несостоявшиеся дипломаты, хорошо владевшие иностранными языками и способные освоить опыт западной прикладной социологии.

Начитавшись социологических изданий, примерно через год я стал дифференцировать социологов по критерию «ученый – идеолог». В итоге в составе первого поколения социологов из академической среды к ученым отнес и по сей день отношу Г.М. Андрееву, Б.А. Грушина, Б.З. Докторова, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, И.С. Коня, Ж.Т. Тищенко, Б.М. Фирсова, А.Г. Харчева, В.Н. Шубкина, В.Э. Шляпенкоха, В.А. Ядова.

Г.К. А как Вы оказались в редакции журнала «Социологические исследования», полувековой юбилей которого мы отмечаем в этом году? Что помните о времени работы в редакции? Какие у Вас личные впечатления о первом главном редакторе А.Г. Харчеве?

Ф.Ш. На последнем году обучения в аспирантуре А.Г. Харчев, главный редактор учрежденного в 1974 г. первого в СССР журнала «Социологические исследования», пригласил меня поработать ответственным секретарем журнала, и я с интересом окунулся в разнообразную тематику статей, проработав в журнале до защиты кандидатской диссертации.

Работа в 1977–1978 гг. ответственным секретарем СоЦИса позволила узнать всех социологов страны. Заказывая им статьи для журнала, я получил представление о научной квалификации большинства среди них. Вся тяжесть организации работы журнала ложилась на А.Г. Харчева. Он был ученым с pragmatическим стилем мышления, «железной» логикой и одновременно широким, системным видением. Занимаясь социологией семьи, он старался развить направление, которое после его смерти и смерти М.С. Мацковского в академических кругах оказалось «забытым». Это был блестящий главный редактор первого советского периодического социологического журнала Академии наук. Он не только поднял журнал на уровень, который после него не смог удержать ни один главный редактор, но, умело используя редакционную коллегию, при помощи журнала поддерживал достойный уровень советской социологии, по сути, формировал научную культуру

советской прикладной социологии. Посредством журнала он стимулировал развитие социологической культуры не только в академических кругах, но и в вузах, в том числе в провинции. Стимулировал советских социологов творить свою социологию, а не только копировать работы западных социологов. Как участник войны, а также самостоятельно прошедший через все ухабы карьерного роста, он никогда не допускал компромисса в ущерб совести и морали. Умел находить приемлемые решения с представителями партийной власти в том, чтобы журнал «Социологические исследования» сохранял свой научный облик и не оказался под давлением партийной идеологии.

Г.К. А чем объяснить Ваш интерес именно к прикладной социологии? Не является ли эта область науки маргинальной, отдаленной от научного мейнстрима?

Ф.Ш. После получения диплома кандидата наук я решил посвятить себя практической исследовательской работе и устроился работать старшим научным сотрудником в Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы.

Первый опыт участия в прикладном социологическом исследовании приобрел в аспирантуре, помогая формировать модель выборки для М.С. Джунусова в исследовании отношения к межнациональным бракам населения Узбекистана, и для И.И. Чангли в исследовании условий труда работниц ткацких фабрик Ивановской области. Однако первый серьезный социальный заказ на прикладное исследование получил в 1982 г. от ЦК ВЛКСМ, «транслировавшим» поручение ЦК КПСС. Было предложено изучить социальные проблемы строителей Байкало-амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда интернациональных отрядов молодежи на «стройку века», их планы на будущее. Уже на начальной стадии работ был поражен тем, что несмотря на высокий политический заказ, начальник ГлавБАМстроя (статус зам. министра) К.В. Мохортов в течение длительного времени находил повод непускать интервьюеров на стройку. В итоге у меня и работников ЦК комсомола состоялась встреча с ним в Москве. Он ознакомился с анкетой, а я пообещал ему исключить из анкеты острые вопросы о социальных проблемах строителей, после чего он дал указание руководителям строительных участков БАМа допустить к работе наших интервьюеров. Сознаваясь, никаких сокращений в анкете я не сделал, знал степень занятости руководителей такого ранга и был уверен, что читать анкету повторно он не будет. Так и оказалось.

Исследование было очень трудным и в высшей степени интересным. Результаты меня поразили. Первоначально я думал, что оно необходимо было для понимания причин не-желания молодежи ехать на БАМ. Однако обеспеченность стройки рабочей силой оказалась не менее 120%. При этом часть молодежи, приехавшей из европейской части СССР, через четыре – шесть месяцев действительно разрывала контракт и уезжала с БАМа. Это было вызвано низкой зарплатой и отсутствием элементарных бытовых условий для проживания: жили в вагончиках. На стройке оставались рабочие, приехавшие из регионов Сибири и Дальнего Востока. Они занимали должности по управлению строительной техникой, зарабатывали «приличные» деньги, их вполне устраивал климат, и они никуда не уезжали¹.

Досрочно уезжавшую со стройки «европейскую» молодежь никто не задерживал. В действительности на стройке она была не нужна. Просто в советское время социальные фонды предприятиям выделялись в соответствии с численностью занятых. Средства, высвобожденные за счет досрочно уехавших молодых работников, руководство БАМ под различными «экономическими» предлогами использовало «по своему усмотрению». Поразило меня и то, что объявленная интернациональной стройка на 85% состояла из русских. Например, в составе бригад, приезжавших из республик Средней Азии, русские составляли 95%, из Прибалтики – 60%, Украины – 40%.

Возник, естественно, вопрос о том, в какой степени проблемы, выявленные на БАМе, характерны в целом для других ударных комсомольских строек СССР. Тогда я через год

¹ См.: Воронов В.В., Смирнов И.П. Закрепление молодежи в зоне БАМа // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 16–21. (Прим. ред.)

по собственной инициативе провел исследование на строительстве в Красноярском крае Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК) и в городе Волгодонске на строительстве крупнейшего комплекса предприятий атомного энергетического машиностроения (Атоммаш). Картина «интернационального состава» приехавшей на стройки молодежи была полностью идентичной.

Основываясь на полученных данных, уже в 1983 г. у меня не осталось сомнений в том, что русская молодежь, и вообще представители нетитульных национальностей, стали вытесняться из национальных республик. Центральная власть об этом знала и содействовала переселению русских путем финансирования «ударных строек». Я сделал следующий вывод: социальные фонды национальных республик стали скучеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии (детские сады, дома отдыха, профилактории, возможность получить жилье), в национальных республиках с трудом хватает только для представителей титульных национальностей; такая ситуация может привести к межнациональным конфликтам и центральная власть постепенно «выводит» из национальных республик русскую молодежь. Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит на пороге распада.

О перспективах СССР мы много беседовали и с А.Г. Харчевым, к которому часто приходил домой. Уже в начале 1980-х гг. он отзывался о перспективах СССР очень пессимистично и считал страну феодальной империей, но не критиковал политическую систему – социализм.

Г.К. А как Вам удалось «включить» социологию в товарно-денежные отношения? Ваш авторитет и в этой сфере деятельности необычайно высок.

Ф.Ш. В 1988 г. началась моя карьера предпринимателя, пока «по совместительству» с работой в государственном Научно-исследовательском центре Высшей комсомольской школы. Для меня рыночные отношения не были новшеством – с детства формировался в подобной среде. Осенью 1990 г. после принятия Закона о кооперативах зарегистрировал свою частную социологическую фирму, которая функционирует по сей день под названием «Центр социального прогнозирования и маркетинга». С самого начала создания Центр функционирует как «вседядная» организация, т.е. в области и социологических, и маркетинговых исследований, так как в России нет необходимой рыночной конъюнктуры для специализации в области сугубо социальных информационных услуг. Сначала Центр задумывался как организация по производству информации по рыночному и электоральному маркетингу. Однако выжить только за счет таких исследований в России трудно, поэтому пришлось вернуться к прикладной социологии и выполнять социальные исследования более сложного, с точки зрения тематики, характера. Это в основном прикладные социальные исследования для министерств и ведомств.

Опыт организации маркетинговых исследований у меня был, так как первый практико-ориентированный заказ маркетингового характера получил еще в 1985 г. В стране стала изменяться конъюнктура рынка и книжное издательство «Молодая гвардия» обратилось в Научный центр Высшей комсомольской школы с предложением провести общесоюзное исследование читательских интересов населения. Исследование поручили мне. Кроме анкет массового опроса я организовал контент-анализ тематических планов издательства за период 1970–1985 гг., в которых были также указаны объем и стоимость каждой книги. Советская власть гордилась тем, что цены на товары массового потребления не изменялись в стране десятилетиями. Цены на книги в течение 15 анализируемых лет действительно сохранялись в стабильных пределах, однако, как выявил контент-анализ, при стабильных ценах снижался объем каждого отдельного издания, что за 15 лет привело к подорожанию книг (а они пользовались у населения очень большим спросом) в среднем на 40%. Это опровергало миф о том, что в СССР нет инфляции.

Результаты прикладных исследований для «Молодой гвардии», по ситуации на БАМе и многих других исследований явились для меня индикаторами ухудшения социально-экономической ситуации в стране и начала дестабилизации общества. В получении таких

индикаторов и основанных на анализе их динамики выводов состоит исключительная научная значимость прикладной социологии.

Необходимость распространения в стране социологической культуры была у меня идеей фикс, но для этого требовалось разрешение идеологических органов КПСС. Эту проблему решил М.К. Горшков, получив согласие идеологического подразделения ЦК КПСС: под нашей с ним редакцией издательство «Политиздат» выпустило в свет подготовленный коллективом авторов учебное пособие «Как провести социологическое исследование» тиражом 85 тыс. экз. Затем в 1990 г. это же издательство выпустило 2-е расширенное издание этого учебного пособия тиражом 50 тыс. экз. Впервые в СССР было издано учебное пособие по прикладной социологии таким массовым тиражом. Кстати, это издание состоялось очень вовремя. В начале 1990-х гг. в вузах страны началась подготовка специалистов по специальности «социология», во многих из них уже читался курс социологии вместо предмета «исторический и диалектический материализм».

Г.К. Вас по праву считают мэтром советской прикладной социологии. Расскажите, пожалуйста, в чем здесь особенности и отличия от мировой науки.

Ф.Ш. Советская прикладная социология зарождалась как естественное требование демократизации советского политического строя директивного характера. Прикладная социология – это естественный результат эволюции советского обществознания от унаследованной им феодальной теософии к капиталистическому прагматизму в форме эмпирического «мифотворчества», во многом также идеологизированного. Еще в аспирантуре мне как-то В.Э. Шляпентох сказал, что в СССР в прикладной социологии изобретать нечего, так как в экономически развитых странах и методы эмпирических исследований, и теория социальных институтов в виде структурно-функционального анализа, и концепции среднего класса давно разработаны. В последующем я неоднократно убеждался в правоте его слов. Даже старшее поколение советских социологов в основном излагало идеи, заимствованные у западных социологов, адаптируя их к советской социальной практике. Изданные в СССР учебники по прикладной социологии большей частью представляли собой результат самообразования советских социологов на основании западных учебников. Естественно, подготовленные советскими социологами учебники сыграли и по сей день играют очень большую роль в подготовке целой плеяды советских (имеются в виду и республики бывшего СССР) и российских социологов. Недостатком этих учебников является их неполнота, по инерции перенесенная из западных учебников. Речь идет об отсутствии валидного обоснования органической взаимосвязи эвристической операционализации понятий и теории измерения, обусловленности перехода от вербальной формы индикаторов к их квантификации (шкалированию) в целях последующего построения эмпирических показателей. Этот недостаток был устранен в упомянутом выше учебном пособии «Как провести социологическое исследование».

Что касается теории социологии в аспекте эволюции социальных институтов и форм цивилизации, то советские социологи внесли некоторую лепту в объяснение социальных процессов в Советском Союзе, однако не смогли предсказать распад СССР, хотя теория колониализма и неоколониализма преподавалась во всех политических вузах, и учебники были хорошие, основанные на реальной практике распада колониальной системы капиталистических метрополий. Все то, что было создано стоящего в советской социальной науке – это интерпретация политэкономии капитализма (на базе трудов Маркса), теория колониализма, неоколониализма. Научность здесь была возможна потому, что эти проблемы не касались социалистической системы. Но как только Советский Союз распался и была создана рыночная Россия, эти теории стали «задевать власти за живое», и их поспешили объявить ненаучными. Поразительно, но от своих «ранее научных» взглядов отказалось значительное число советских социологов. О какой социологической науке тогда речь? Или науку можно менять как перчатки? Кроме того, с конца 1980-х гг. в науку за «научным поплавком» ринулись невостребованные партийные работники и сотрудники государственных административных органов. В 1990-е гг. торговля дипломами,

в том числе в академической системе, превратилась в грязный бизнес. Часто уважаемые профессора с привлечением своих сотрудников и на своих ученых советах за деньги «штамповали» для полуграмотных бюрократов дипломы кандидатов и докторов наук, девальвируя звание ученого. К сожалению, большинство профессиональных советских социологов были заняты своими проблемами (самоспасением) и не удосужились открыто высказать мнение о засорении социологической науки апологетами от коммунистической идеологии.

Г.К. Считается, что к прикладной социологии относятся маркетинговые исследования. Так ли это?

Ф.Ш. Как отмечал ранее, распад СССР не вызвал у меня удивления, так как я воспринимал этот процесс как распад колониальной системы, исчерпавшей в этой форме свой потенциал экстенсивного экономического развития. Спокойно воспринял и переход к рынку, к которому был психологически адаптирован с детства, формируясь в социальной среде с рыночным менталитетом. Принял решение, что свои познания в прикладной социологии целесообразно перенести на рыночную основу и направить усилия на маркетинговые исследования. С 1988 г. начал проводить заказные исследования, в том числе маркетинговые (первое из них провел совместно со специалистами американской маркетинговой фирмы Огилви (Ogilvy), выполнившей заказ Пепси-колы, тогда же впервые практиковал проведение фокус-групп) и в 1990 г. учредил частный Центр социального прогнозирования и маркетинга. В течение 1990-х гг. экономический и электоральный маркетинг в большой степени «насытил» деятельность созданного частного центра. Однако не обошлось без издержек: в течение 10 лет я не опубликовал ни одной серьезной научной статьи, за исключением пяти статей по итогам выступления на симпозиумах в РНИСиНП (трансформированный Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В начале 2000-х гг. заказы на маркетинговые исследования стали иссякать, крупные торговые компании и банки заняли свои ниши на российском рынке, не имея конкурентов со стороны российской экономики; рекламная практика уже была адаптирована к менталитету российского массового потребителя и оценивать ее эффективность не требовалось, а к середине 2000-х гг. сократились до минимума и заказы на электоральные опросы из-за существенного снижения конкуренции между политическими партиями. Однако вырос запрос на прикладные исследования научного характера, распределявшиеся на конкурсной основе, и я решил возвратиться в науку. Тем более что в ней востребованы знания и по методам социологического исследования, и теоретические знания в отношении функционирования социальных институтов.

Участие в научных проектах оказалось успешным. Основные конкурсные проекты были реализованы по линии Министерства образования и науки (по ходу оно несколько раз меняло название) и направлены на исследование проблем повышения эффективности образования всех уровней. Предметами исследования являлись вопросы профессиональной ориентации, трудоустройства выпускников вузов, участие студентов в научной работе вузов, характер досуга и занятия студентов физической культурой, социальная и территориальная структура студенчества. В разное время пришлось изучать эффективность функционирования аспирантуры, ценностные ориентации и политические установки молодежи, проблемы девиации молодежи, в том числе потребления психоактивных веществ, суицида. По условиям конкурсных проектов результаты исследований подлежали оформлению в публикациях, что привело к публикационной активности и с 2000 г. по настоящее время наш Центр социального прогнозирования издал не менее 240 книг по социологии и социальной демографии, разослав их в дар библиотекам и общественно-научным кафедрам вузов страны, а также в НИИ социально-гуманитарного профиля.

Г.К. Если все-таки вернуться к роли теоретической социологии, о значении которой часто забывают «практикующие» социологи – оставляют ее социальным философам. Что Вы думаете на этот счет?

Ф.Ш. Уже к началу 2000-х гг. у меня наступило «пресыщение» эмпирической социологией, так как несмотря на огромное количество исследований, проводимых нашим Центром социального прогнозирования, не ощущал серьезного приращения в теоретических знаниях. Как я уже говорил, все исследования являлись, по сути, заказами различных органов государственного управления и имели своей целью поиск причин тех проблем, которые порождали дисфункции в социальных институтах. Все они заканчивались рекомендациями – как «залатать прорехи». Возможность распространения наших исследовательских моделей в других странах ограничена нормативностью индикаторов, формируемых исходя из объекта исследования – они различаются в разных странах. Валидность эмпирических показателей ограничена во времени. Например, в 1980-х гг. исследование характера работы комсомольской организации и поиск путей активизации этой работы являлось вполне легитимным, ибо объект существовал и функционировал объективно, однако через несколько лет комсомол был упразднен и объект исследования стал достоянием истории.

Чтобы выйти за пределы прагматической ограниченности эмпирических моделей, имеющих относительно короткий временной лаг актуальности и прогностического потенциала, я ограничил валидность эмпирических моделей формальной логикой и констатировал их не-применимость для изучения социальных процессов цивилизационного уровня. Это происходит из их статичности, т.е. ограниченности нормами, ценностями и эмпирическими индикаторами конкретного исторического (порой очень короткого) периода, географического ареала и временного лага. Сделал вывод о необходимости представления социальных объектов как динамических рефлексирующих (самопознающих) субстанций (субъект-объектов), в своей эволюции подчиняющихся законам диалектической логики. Для познания эволюции социальных институтов и социума требуются построения категориальных (вербальных) моделей в опоре на диалектическую логику. Например, понятия производительные силы, способ жизнедеятельности, мораль, право и др. не выражаются числами, так как числа – «пустые понятия», не имеющие собственного содержания и в отношении своей сути – количество – они неизменны. Приведенные абстрактные понятия имеют свое содержание, которое динамично (вариативно), т.е. меняется по ходу эволюции цивилизации, но при этом исследователь может дать конвенциальную и в то же время валидную интерпретацию их содержания. Эти абстрактные понятия по ходу развития цивилизации обретают свою форму в более конкретных понятиях – категориях, являющихся основой построения и составной частью динамической категориальной модели. Подход к построению модели, по сути, структурно-функциональный, но предполагает не эмпирические в статике показатели, а категории, отображающие динамику социального института как структурной основы цивилизации. Полнота категориальных моделей определяется их соотнесением со стадиями цивилизации, определенными Марксом как общественно-экономические формации (формы цивилизации). Динамика (развитие) цивилизации опирается на три основных закона диалектики, сформулированные Гегелем.

Г.К. А пример можете привести?

Ф.Ш. Пожалуйста. «Приземление» трех законов диалектики: единство и борьба противоположностей; переход количества в качество; отрицание отрицания. Я отождествил их для социума в следующих законах: закон репликации (генетический позыв популяционного размножения); закон рекреации (обмен веществ), по сути, экономическая теория Маркса; закон рефлексии (поиск вещественной формы посредством духовного отображения аморфного биологического содержания индивида).

Построенные на основании диалектической логики модели оказываются сложными и пока преимущественно эвристическими, однако в проекции на конкретные интервалы времени они сводимы к формально-логическим моделям, посредством этого – к индикаторам и к эмпирическому измерению.

Это та проблематика в социологии, которой я сейчас занят. Получится ли завершенная теория – время покажет.

Г.К. Удачи Вам, Франц Эдмундович, и с Юбилеем!

Беседовал Г.А. КЛЮЧАРЕВ

APPLIED SOCIOLOGY: FROM PRACTICE THROUGH BUSINESS TO THEORY (interview with F.E. Sheregi)

SHEREGI F.E.* , KLIUCHAREV G.A.**

* Center for Social Forecasting and Marketing, Russia

** Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia

Franz E. SHEREGI, Cand. Sci. (Philos.), The General Director of the Center for Social Forecasting and Marketing (f-sheregi@inbox.ru); Grigoriy A. KLIUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Editor-in-chief of the journal "Sociological Studies" (Kliucharev@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. In a conversation with F.E. Sheregi – one of the leading Russian sociologists, little-known plots of the institutionalization of Soviet sociology are revealed. Some details are given about the admission of the first graduate students of the ICSI of the USSR Academy of Sciences in sociology, about the free and democratic environment at ICSI, which distinguished it from most academic institutions. A portrait of the first editor-in-chief A.G. Kharchev is given. The experience of understanding research at Komsomol construction sites, including BAM, is described. The exceptional role and importance of such applied research is shown, in particular, in predicting the collapse of the USSR. The contribution of a number of academic sociologists such as B.A. Grushin, V.A. Yadov, A.G. Zdravomyslov, V.E. Shlyapentokh, A.G. Kharchev and others is assessed. The features and importance of entrepreneurship and marketing in sociology are considered.

Keywords: ICSI of the USSR Academy of Sciences, Center for "Social Forecasting", SOCIS, applied sociology, theoretical sociology, entrepreneurship in sociology, marketing research, BAM, "Young Guard", the collapse of the USSR.